

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

— Может быть, все мои спектакли—неудачи, откуда я знаю... Ведь некоторые так и считают.

Он и не сомневается, может так говорить. Трудно представить, чтобы этот огромный, похожий на последнего богатыря человек, с огромными плечами и длинными руками, главный режиссер одного из популярнейших наших театров — Ленинградский драматический театр имени Глоцкого — оставался таким «сидельником». Мы все помним, как в последние десятилетия перевернул вышитую на сцену и поразила всех своей актерской игрой. Момент за моментом переключался с серьезной теме и рассказывал об этом серьезно, без наигранности. И в конце концов, когда ставил пьесу, которую потом называл новаторской, «Человека со стороны» Игнатия

История театра всегда казалась мне чем-то очень далеким, уходящим корнями в какие-то неизвестные времена и неизвестным людям, а тут вот она — рядом. Люди, которым театр безразличен, и мы, будущие историки театра, слушайте — вот как создавался спектакль «Человек со стороны»:

— Сначала был сценарий. Дворничиха слезла на него плечу, я прочел ее как трунцу — полный успех! Решено: ставим. Распределяя роли, нависла... Ведь что такое «Человек со стороны»? Косметический портрет завола во главе с Чекизовым. Около тридцати действующих лиц! Каждая роль — две страницы, раскладка совершенно новая. Я: Рамка на девятнадцатый номер взрывает квартал. Как прижигает это читать? Это сейчас актеры прижигали произношение: «производственный текст», как обращение к любимой женщине, а тогда-то все было в нотизму. Попробовали выбросить технические термины — пропала песня. Рецензировали, рецензировали, читали плечу, я вздрогнул отчаянием: говорит актер про рецензирование... а рассказывает-то о собственной заботе.

Да, портрет завода... И портрет театра. И портрет нашей жизни. Рассказ о наших болях, наших проблемах...

А что Чепиков? Да, знаю-чуть. Но ведь он — олимп, южне как того, кроме себя, надеется. Да, он ершист, но для дела. Если человек тверд и непреклонен в делах общего дела, то и пристрастен. И первый шаг к тому, который сделал Чепиков, узнав, что на заводе не все в порядке: «В чем вы видите вину ошибку?» Он непамятит общие слова. У людей сегодня понаписали обихих культурных уренин: один злобно и злобно, другой злобно и злобно и demands жестоко обвинить такого человека, как Чепиков. Его обвиняют, не поименовав. А он делает дело. Мне кажется, но очень часто оцениваем человека не по тому, что он реально делает, а по тому, что он говорит. И симпатичен и умеет говорить правдивые слова...

И вот тут возникает у меня вопрос странный, который я Владимиркову задать не решаюсь, но который меня самому чрезвычайно интересен: «Похож ли сам Игорь Петрович на Чешикова?». Конечно, Владимирков мягче, конечно, с людьми и с миром суровее. Но то же дело — и здесь главный, — это точно. То, что он, как и Чешиков, — работник — это наверняка. И то, что путь его чрезвычайно труден... — тоже факт.

Сначала Владимиров закончил кораблестроительный институт. За несколько дней до войны, в июне 1941 года, выдержал экзамены в студию С. А. Герасимова. Война, ополчение...

— Искусство не становится лучше или хуже — оно меняется. После того как наш народ пережил такую великую войну, совершенно изменилось представление людей о тяге

Не верю в театр «для адекватных», искусство «для набравших». Искусство выпало из коммуналок, из скандалов, которые начинали свой раскаты, только находясь в кругу людей. Печерный человек, написавший на камне свой первый рисунок, наверняка познал горячитель посмотреть. Где не артистический, нет и зрелища. А сопереживающий бужут только свои пронадеянию, которые показывают человеку человека, которое рассказывает с тем глазом, чем живет сегодняшняя жизнь.

Я должен влюбиться в нее

Игорь
Владимиров: **ТАЛАНТ
БЫТЬ ДОБРЫМ**

су — тогда я ее буду ставить. А для этого в первую очередь она должна быть нужной именно сегодня, сейчас. Иначе в любом деле не любовью все решается? Разве не влюблен Четков в свое дело? Разве хоть одно открытие в любой области человеческих знаний создавалось людьми, которые не были влюблены в то, что они делают?

[illegible]

— Недавно я был во Франции и видел страшную картину. Идет поток машин, люди едут отдыхать. Милые, респектабельные люди. Из окон машин эти милые люди на ходу выбрасывают собаки. При этом просят доброту — взять собачку, а наголо — выбросят... Организацию даже целое общество, члены которого подбавят этих собак, чтобы каждый желающий мог прийти к ним и взять собачку. Но берут почему-то меньше, чем выбрасыва-

Почему я об этом вспоминаю? А потому, что в последнее время стало чуть ли не модным говорить о доброте. Кто-то спросил у главного человеческого качества — доброта. Но доброта — это талант. Быть добрым — значит, быть ответственным за того, к кому эту доброту проявляешь. Об этом мы и хотели сказать нашим сесткам. Иногда мы называем добротой элементарную человеческую порядоч-

Не надо повторять то, что слышат молодые актеры, студентам. Вообще когда я принимаю экзамены у студентов, обращаю внимание на три вещи: пластику, музыкальность и... Помните, вот он зорец, ищущий перед приемной комиссией я, несмотря на все это, не могу сказать, что человек, который на экзамене сможет показать, как умеет читать стихи, петь, танцевать. Это я люблю! профессии так: нужно овладеть азбукой и уметь испытывать восторг от того, что ты делаешь. Работа — это идеал, который ты наконец-то обрел! наконец-то наша любовь стала наявным, вы вместе... Впрочем, об этом мы уже говорили.

А хотите знать, как я сужу талантлив актер или нет. Если он хорошеет на сцене или на экране — значит, талантлив.

До чего же это трудное дело — оставаться молодыми! И не потому, что годы неуловимы, — этот седой человек всегда у нас перед глазами, — а потому, что мы — молодые — знаем, быть молодыми — значит, стремиться сделать так, чтобы не стать старым. Мы стремимся, и стремимся сильно достаться за годы жизни. Мол, что такое: в драматическом театре — и покуда (Зина) не кончатся твои силы, не так: в серьезных постановках — зениты... (Зто) сейчас современная психа в драматическом театре — это не то, что не удивляет. Его первые, самые важные постановки стали уже историей, а его новые работы — по-прежнему молоды, полны жизни и энергии. И потому — в них привабливость.

— Да, доставалось за мужьяльность. И мне уже порядком надоело говорить, зачем я это делаю. Если мы признаем, что песня — оружие, почему мы боимся использовать это оружие в театре? Если мы хотим сделать спектакль современным, почему мы порой боимся современных форм? Смелость города берет не только на войне и не только в театре.

Актеры в XIX веке говорили: «Этот актер плохой: он говорит не в тон». Мне не надо, чтобы у актера был голос, как у баса Большого театра. Мне надо, чтобы у него был слух. Слух — штука великая и в жизни. Слух — это и умение слышать собеседника, и умение угадывать мелодию времени. Я говорю и о живейшем слухе.

Не выступая ли я в роли пророка? Не даю ли слышному много рецептов? У меня ведь тоже бываю неудачи. Да и не откуда я знаю, может быть, все мои спектакли — неудачи. Ведь некоторые так и считают. Мой мудрый замдиректор говорит: «Однажды твой аншлаг — твой». Это значит, что своим административным способами сделаешь не десять аншлагов, а однажды — твой за мной. Но если верить слишком скучно, если я не сумел угадать, чем он живет сегодня, я снимаю спектакль. Еще совет напоследок. Надо уметь признавать свои поражения, тогда их будет меньше.

Нет, все-таки похож Владимир на Чехова. В первую очередь — одержимостью. Вся его жизнь отдана театру, а значит — нам, зрителям. И мне хотелось, чтобы он поставил сейчас что-то новое, что-то из его размышлений о том, что близкое для себя. Пусть что-то одно, но близкое. Ведь тогда открываются занавес и драмы лучи прожектора выхватывают из темноты. И тогда, мы не актеры выдумки — себя, и благодарны мы им за то, что они устроили нам встречу с нами же самими — с нашими мыслями, чувствами, желаниями, мыслями, близкими, чуждыми.

A. МАКСИМОВ

В эти дни Ленинградскому академическому театру имени Ленсовета исполняется полвека. Поздравляем славный коллектив, желаем ему новых творческих успехов, энтузиазма, молодости!